

Хроника невидимой смерти

издания - 2006. - 28 стр. - с. 14

В Центре имени Вс. Мейерхольда в день двадцатой годовщины аварии на Чернобыльской АЭС показали спектакль «Чернобыльская молитва» в постановке Йозефа Лехтонена по одноименной книге Светланы Алексиевич.

Артур Соломонов

Чернобыльская катастрофа поставила мир перед лицом новой угрозы. Радиоактивный ветер пронесся над Европой, Китаем, Индией, США и Канадой, и стало очевидно, что перед «мирным атомом» все равны, а государственные границы — иллюзорны.

Светлана Алексиевич, автор знаменитой книги «У войны не женское лицо», долгое время собирала рассказы тех, кто находился в Чернобыле или в близлежащих поселках 26 апреля 1986 года в 1 час 23 минуты, когда произошел пожар на АЭС.

Спектакль о людях, чья участь — постепенно истлевать, вызывает ужас. И не в том дело, что ты вроде бы обязан сочувственно восклицать «Какой кошмар!». Чернобыль — нечто гораздо большее, чем авария, унесшая сотни тысяч жизней. Не случайно об этой трагедии до сих пор не существует художественных произведений. Нет адекватных слов и способов описания. Метаморфозы — и физические, и психологические, которые происходили с людьми в Чернобыле, — нечто принципиально новое, не имеющее аналогов в истории страданий. Поэтому авторы спектакля ни на шаг не отступают от документального материала: фантазирование на эту тему стало бы кощунством. К тому же воображение бессильно дополнить то, что свершилось в реальности.

На такой теме легко спекулировать, представляя захватывающий отчет о чужом горе, болезни и смерти. Здесь необходимо чувство меры, которую режиссер и актеры выдержали. Артисты (Анна Галинова, Алла Каравачкая, Александр Андриенко, Вален-

тин Самохин и другие) смогли забыть о самолюбовании, о демонстрации мастерства, заботясь только о том, чтобы голоса их героев дошли до публики не искаженными истерией или пафосом. В бесслезных тихих монологах в полную мощь проступил ужас свершившегося. Как поступить женщине, которой предлагают воспринимать мужа как «радиоактивный объект с высокой плотностью заражения»? Что делать, когда вроде бы все по-старому — и деревья, и озера, но и воздух и вода наполнены смертью; когда убивают и скошенная трава, и молоко, и хлеб — все, что должно поддерживать жизнь; когда по радио слышишь, что «ситуация стабилизировалась», а дети лысеют от облучения и спорят, страшно или не страшно умирать?

Вот мужчина, от которого сбежала жена, поскольку оставаться с ним — опасно для ее здоровья. Парень, который занимался отстрелом пораженных радиацией животных и забыть не может, как добивал черного домашнего пуделя. Через весь спектакль проходит история беременной женщины, которая до последнего была рядом со своим умирающим от лучевой болезни мужем. После рождения их ребенок не прожил и нескольких часов.

Эти истории хочется забыть. Но театр противостоит и политике, заинтересованной в забвении подобных фактов, и свойствам нашей памяти, которой присуще прятать черные воспоминания как можно глубже.

«Чернобыльская молитва» — редкое явление в нашем искусстве, пример социального театра. Когда вдруг понимаешь, что прошлое никуда не ушло, а только притаилось. И грозит стать будущим.